

Шишмаревых оказалось в целом устойчивым: отдельные поместья дробились, уменьшались в размерах (что свойственно вообще поместьям XVI в.), но владельческая наследственная традиция сохранилась, как сохранилась и экономическая основа поместья — крепостные крестьяне. Даже в 70-х гг. XVI в. полное запустение наблюдается только в одном из десяти поместий Шишмаревых.

Итак, мы рассмотрели данные о помещиках Деревской пятины, принадлежащих к трем слоям господствующего класса — феодальной аристократии, высшего и низшего служилого сословия.

Писцовые материалы, составлявшиеся главным образом с фискальной целью и привлекаемые обычно для изучения сельского хозяйства и крестьянских повинностей, оказываются немаловажным источником и для генеалогии. Эти материалы, во-первых, открывают новых лиц, принадлежащих к той или иной фамилии, и тем самым вносят уточнения в традиционные родословные схемы; во-вторых, что более важно, наполняют эти схемы конкретно-историческим содержанием, показывая подробности развития их земельных отношений и службы.

А. В. Ф О М И Н

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ КЛАДОВ С КУФИЧЕСКИМИ МОНЕТАМИ IX—X вв.

К числу важных источников по истории международной торговли и денежного обращения Восточной и Северной Европы в эпоху раннего средневековья относятся клады с куфическими монетами. Мусульманские серебряные монеты (дирхемы) обращались не только на территории халифата, но также активно вывозились в Европу с начала IX по конец X в. Впервые вопрос о необходимости изучения состава восточноевропейских кладов с дирхемами был поставлен А. И. Черепниным в конце прошлого века. Он обратил внимание на то, что клады, обнаруженные в разных районах России, различаются как по составу самих монет, так и по наличию или отсутствию в них обломков дирхемов.¹

Однако начало научной систематизации кладов с куфическими монетами было положено позднее. Она связывается с трудами выдающегося ориенталиста Р. Р. Фасмера. Детально анализируя династические типы куфических монет из восточноевропейских кладов, он выделил четыре хронологических периода обращения мусульманского монетного серебра. Им было установлено, что

¹ Черепнин А. И. Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. Рязань, 1892, с. 37.

с начала IX в. и приблизительно до 825 г. в восточноевропейских кладах встречаются в больших количествах аббасидские монеты африканской чеканки. С 825 по 905 г. в клады выпадают дирхемы, отчеканенные в азиатских провинциях халифата. Среди них заметный процент составляют монеты Тахиридов. Третий период (905—960 гг.) характеризуется господством монет, выпущенных во владениях Саманидов. В заключительном периоде обращения (960—1014 гг.) наряду с саманидскими дирхемами встречаются также дирхемы Бувейхидов (Буидов) и Зийаридов.²

Не составляет особого труда заметить, что хронология периодов обращения, а также династический состав каждого из них совпадают с общим ходом политической и экономической истории халифата. Вытеснение из состава обращения африканских монет азиатскими, появление в европейских кладах монет Тахиридов и, наконец, полное господство на европейском рынке саманидских дирхемов связано с растущим экономическим могуществом восточных районов мусульманской империи, в первую очередь Мавераннахра. Пестрый династический состав европейских кладов второй половины X в. характеризует политический распад халифата.

Это обстоятельство заставляет нас с осторожностью связывать династические периоды, выделенные по составу восточноевропейских кладов, с определенными этапами развития местного обращения. Следует согласиться с мнением В. Л. Янина, который писал, что хронологические периоды не раскрывают сами по себе характера обращения восточного серебра в Европе, а являются необходимым вспомогательным средством при его изучении.³

Открытие династических периодов позволило доказать правильность датировки кладов IX—начала XI в. по младшей монете.

При изучении древнерусской денежно-весовой системы В. Л. Янин воспользовался династическими периодами для того, чтобы упорядочить нумизматический материал в хронологическом отношении. Таким образом, ему удалось установить, какие типы куфических монет последовательно обращались в Восточной Европе. Изучив их весовые нормы, Янин сопоставил их с данными нисьменных источников и пришел к важному выводу о соответствии веса дирхема весу мелких денежных номиналов — ногаты, куны и резаны.

Согласно его теории, весовая норма древнерусской гривны возникла в результате приспособления веса куфических монет к местной системе денежного счета.⁴ Наблюдения над метрологическими колебаниями монет, изменениями в системе номиналов

² Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. — Изв. АН СССР, обществ. науки, 1933, № 6—7, с. 478.

³ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья, (Домонгольский период). М., 1956, с. 69.

⁴ Там же, с. 7, 27, 203.

были положены в основу концепции о происхождении и развитии древнерусской денежной системы. Кроме того, автором была изучена топография находок по периодам, что позволило наглядно представить картину распространения куфических монет в Восточной Европе.⁵

Из историко-метрологического исследования В. Л. Янина со всей очевидностью следовал вывод о том, что восточноевропейские клады куфических монет принадлежали местным жителям и являются памятниками внутреннего обмена.

К противоположному заключению пришел шведский нумизмат С. Болин, который посвятил специальную работу проблеме обращения восточных монет в Европе. Он считает, что вывоз монетного серебра из халифата был вызван потребностью христианских государств Европы в благородном металле, из которого они чеканили собственную монету. Наиболее благоприятным маршрутом для доставки дирхемов на север был в то время путь через Восточную Европу, выгодно расположенную между странами ислама и империей франков и обладающую к тому же удобной сетью речных коммуникаций.

В качестве торговых посредников в международном обмене IX—X вв. выступали шведские викинги, сумевшие организовать доставку монетного серебра от мусульман к христианам. Свидетельством их деятельности являются многочисленные клады куфических монет, обнаруженные в районах между Каспием и Балтийским морем. Монетные сокровища представляют собой часть капиталов, которые скандинавские купцы везли вместе с собой, но были вынуждены зарыть в результате военных столкновений или набегов.⁶

Концепция С. Болина основывается на данных хронологического состава европейских кладов. Предполагается, что при транзитной торговле куфические монеты не поступали в местное обращение тех районов Европы, через которые проходили торговые пути, а выпадали там случайно. Если бы дирхемы оседали преднамеренно, то их задержку можно обнаружить в составе местных кладов по преобладанию в них определенных хронологических типов монет.

Хронологический состав европейских кладов IX в. не имеет видимых различий. Во всех находках содержатся одноименные типы монет в приблизительно одинаковом количественном соотношении. Только со второй четверти X в. обособляются скандинавские клады, состав которых характеризуется преобладанием монет начала века. Во второй половине X в. выделяются древнерусские клады с характерным преобладанием монет 900—950 гг. Начиная с 70-х гг. X в. обособляются клады болгарского района распро-

⁵ Там же, с. 102, 118—120, 130—132.

⁶ Bolin S. Mohammed, Charlemagne and Ruric. — In: Zu Bedeutung und Rolle des Islam, Darmstadt, 1968, S. 252—256, 263—264.

странения восточного серебра. Их состав характеризуется высоким содержанием монет, отчеканенных в ближайшие годы.⁷

К сожалению, С. Болин не знакомит читателя с методикой исследования хронологического состава кладов, а приводит заключительные результаты, полученные им в ходе анализа нумизматических памятников. Несмотря на это обстоятельство, у нас есть сомнение в правильности самой трактовки автором факта консервации хронологического состава кладов X в.

В работах Е. А. Давидович и В. Л. Янина было установлено, что первые симптомы «серебряного» кризиса проявились на Востоке в первой половине X в.⁸ С 930-х гг. вес и лигатура саманидских дирхемов ухудшаются. Весовая диаграмма монет, выпущенных в правления Насра б. Ахмеда (914—943 гг.) и Нуха б. Насра (943—954 гг.), показывает значительные колебания их среднего веса.⁹ Повышение процента примесей к серебру распознается также по цвету металла. Монеты начала X в. легко отличить в этом отношении от монет второй четверти. Они отчеканены из серебра белого цвета с меловым отливом, что указывает на его высокую пробу, в то время как поздние монеты изготовлены из серебра темного цвета, указывающего на следы примесей.

«Серебряный» кризис сказался не только на качестве выпускаемых монет, а повлиял также на интенсивность их ввоза в Европу. Снижение объема поступлений монетного серебра могло привести к преднамеренной задержке дирхемов в обращении, с тем чтобы компенсировать их недостаток.

Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что недостаток серебра острее ощущался в районах, наиболее отдаленных от халифата. Напомним в этой связи, что консервация хронологического состава кладов наблюдается впервые в Скандинавии, затем — в составе древнерусских кладов. Единственным районом, который по-прежнему стабильно снабжался монетным серебром, оставался Булгар.

Таким образом, дополнив наблюдения С. Болина новыми фактами, можно прийти к противоположным выводам о причинах задержки монет в местном обращении. Однако нам представляется, что, несмотря на высказанные замечания, исследование хронологического состава кладов является перспективным для изучения локальных особенностей распространения куфических монет в Европе.

Хронологический состав европейских кладов формировался в зависимости от характера движения монетного потока. Монеты одного выпуска могли распространяться неравномерно. Они попадали в отдельные районы Европы в неодинаковых количествах и обращались там в течение разного времени. На пути движения

⁷ Ibid., S. 261—262.

⁸ Давидович Е. А. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах. — ИЭ, 1966, VI, с. 135—140; Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 129, 134—135.

⁹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 134—138.

монетного потока возникали разные сочетания хронологических типов дирхемов, которые фиксировались в составе местных кладов.

Если допустить предположение, что хронологический состав монетного потока по мере своего распространения старел за счет постепенного убывания новейших монет, то можно попытаться

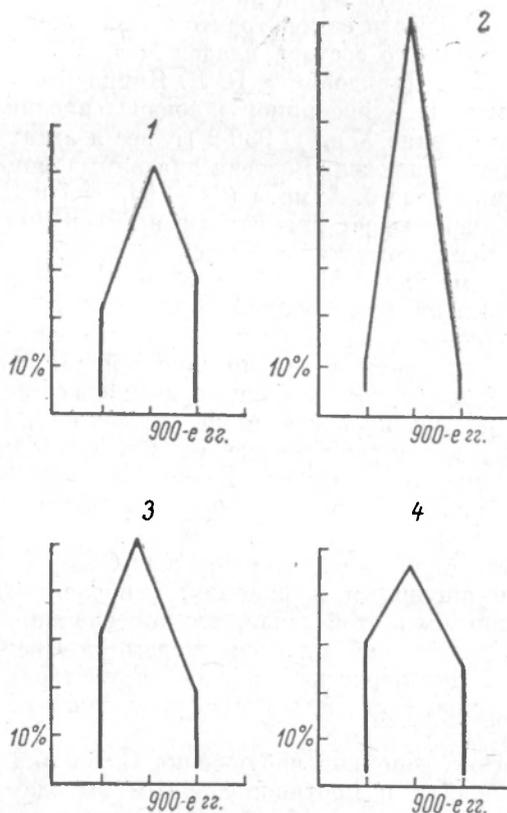

Рис. 1—4. Случаи совпадения графиков хронологического состава кладов (в период между 910 и 920 гг.).

1 — Струпово, 912 г. (79 монет); 2 — Сосинский уезд, 914 г. (33 монеты); 3 — Конкуми, 915 г. (32 монеты); 4 — Пальцево, 914 г. (257 монет).

реконструировать схему его движения методом детального сравнения состава одновременных кладов.

Хронологический состав клада выражается в виде распределения монет по десятилетиям и изображается графически. Численность каждого типа монет дается в процентах от общей суммы состава монет клада (рис. 1—7).

Сравнение графиков состава производится между кладами, датирующимися по младшей монете в пределах одного десятилетия,

Главным критерием сходства считается совпадение вершин распределений в хронологическом отношении. Совпадение графиков означает, что клады образовались из монетного потока на одном и том же этапе его распространения.

Характерным примером такого совпадения могут послужить клады 910-х гг. В их составе устойчиво преобладают монеты 900-х гг. (рис. 1—4). По своим количественным показателям пики

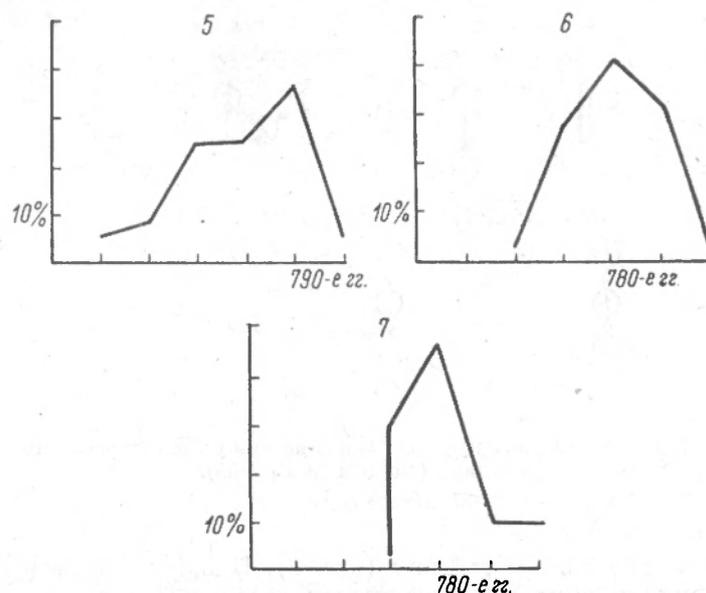

Рис. 5—7. Поэтапное распространение куфических монет по данным хронологического состава кладов начала IX в.

5 — Петровское, 805 г. (34 монеты); 6 — Петергоф, 804 г. (84 монеты); 7 — Вылеги 807 г. (7 монет).

рассматриваемых графиков не равны между собой. Однако в данном случае численные колебания пиков можно считать случайными, поскольку нет твердых оснований для признания их значимыми.

Смещение вершин графиков по хронологической оси указывает на постарение хронологического состава монетного потока. В кладе Петровское 805 г. вершина хронологического состава приходится на монеты 790-х гг. (рис. 5). Петергофский клад образовался на следующем этапе распространения куфических монет. Его состав характеризуется преобладанием монет 780-х гг. Точно такую же вершину имеет график состава небольшого клада из дер. Вылеги с младшей монетой 807 г. (рис. 6, 7). Последний пример примечателен прежде всего тем, что показывает надеж-

ность сравнения распределений хронологического состава по пикам.¹⁰

Какие конкретные выводы о происхождении европейских кладов с восточным монетным серебром можно получить, подвергнув их хронологический состав систематическому изучению?

В настоящей статье мы не будем подробно иллюстрировать отдельные периоды обращения куфических монет в Восточной Европе, а ограничимся тем, что прокомментируем итоги сравнительного изучения состава кладов IX в., которые нам удалось

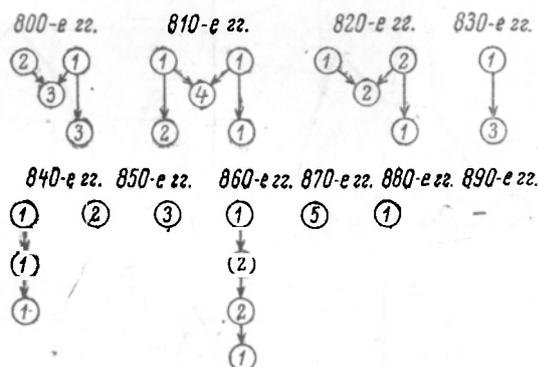

Рис. 8. Типология кладов с куфическими монетами IX в. по хронологическому составу (Восточная Европа).

Объяснение см. в тексте.

свести в одну общую таблицу (рис. 8). В таблице по вертикали расположены типы хронологических сочетаний куфических монет, встречающихся в восточноевропейских кладах (они помечены кружками). К первому типу состава относятся клады (их число показано цифрой в кружке), обладающие самой большой подборкой новых монет. Далее помещены типы хронологических сочетаний, характеризующиеся последовательным увеличением процента монет старых выпусков. Каждый типологический ряд объединяет клады, датирующиеся по младшей монете одним и тем же десятилетием, и построен по принципу старения хронологического состава монетного потока. Сами же выделенные типы соответствуют так называемым этапам распространения куфических монет.

Приведенная таблица свидетельствует о том, что уже в раннее время монетный поток, поступавший в Восточную Европу,

¹⁰ В настоящей работе использованы материалы состава кладов: Струпово 912 г. — Марков, № 144, с. 26—27; Сосинский у. 914 г. — Марков, № 298, с. 52; Коижкуми 915 г. — Пахомов, вып. V, № 1517, с. 49; Пальцево 914 г. — Янин, табл. I—II; Петровское 805 г. — Пахомов, вып. VIII, № 1965, с. 28—29; Петергоф 804 г. — хран. Отдел нумизматики ГИМ, № 100.302; Вылеги 807 г. — Марков, № 152, с. 28.

постепенно оседал по пути своего следования. Распространение куфических монет носило неравномерный характер, поэтому хронологический состав монетного потока видоизменялся в зависимости от различных условий. В ряде случаев можно указать на примеры, когда в клады попадало много монет последних лет чеканки, тогда как другие синхронные им клады отличаются преобладанием старых монет. Выявленные закономерности свидетельствуют о преднамеренной задержке монетного серебра местным населением, что противоречит выводу С. Болина об исключительно транзитном характере торговли восточным серебром в IX в. С другой стороны, данные, полученные в результате изучения хронологического состава восточноевропейских кладов, открывают перспективу для исследования локальных районов распространения куфических монет с помощью топографического метода.

В. Л. ЯНИН

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О НОВГОРОДСКОМ ДЕНЕЖНОМ ДВОРЕ
ПРИ МИХАИЛЕ ФЕДОРОВИЧЕ**

К настоящему времени установлено, что Новгородский денежный двор, активно работавший во время шведской оккупации Новгорода (1611—1617 гг.) и в первые годы восстановления власти Михаила Федоровича, прекратил свою деятельность на основании царского указа 1627 г.¹ Однако остается невыясненным ряд важных проблем, связанных с его работой в 1617—1627 гг., из которых в первую очередь следует назвать круг вопросов, относящихся к начальному периоду чеканки Михаила в 1617 г.

Достаточно сложным представляется установление времени выпуска первых новгородских копеек с именем Михаила Федоровича. Как теперь хорошо известно благодаря блистательным исследованиям И. Г. Спасского, шведы в период оккупации чеканили в Новгороде копейки с именем Василия Ивановича, используя для этого подлинные штампы этого царя в сочетании с подлинными же лицевыми штампами 1610 (1611—1614 гг.) и 1605 гг. (1615—начало 1617 г.), но по пониженным весовым нормам: в 1611—1614 гг. копейки выпускались по стопе 3,6 руб. из гривенки, с 1615 г. — по стопе 3,9 руб.² Между тем среди монет с именем Михаила Федоровича имеется несколько типов (по

¹ Янин В. Л. Из истории Новгородского денежного двора XVII в. — Вспомогат. истор. дисциплины, X. Л., 1978, с. 15.

² Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. — МИА СССР, 1955, № 44, с. 341—345.